

УДК 130.2: 82 (091) "18" Тургенев

Головко Вячеслав Михайлович

«УМСТВЕННОЕ СОЗЕРЦАНИЕ» И. С. ТУРГЕНЕВА, МЫСЛИТЕЛЯ И ХУДОЖНИКА

Бытийная парадигма И. С. Тургенева рассматривается в процессе идентификации воззренческих констант, организующих эстетическое пространство философски мыслящего писателя. Сущее и бытие, действенное и созерцательное отношение к миру, природа и сущность человека, оппозиции естественного и нравственного, личного и общественного в онтологии человеческого существования освещаются в аспекте имманентной конфликтоорганизованности тургеневской картины мира, в свете идеи развития, являющейся сильной стороной мировоззрения великого писателя.

Ключевые слова: бытие, мир, натурфилософия, природа и сущность человека, личность, история, смысл жизни.

Golovko Vyacheslav M.

«MENTAL CONTEMPLATION» OF IVAN S. TOURGENEV, THINKER AND ARTIST

I. S. Tourgenev's ontological paradigm is analyzed in the process of identification of outlook constants that organize the philosophically thinking writer's aesthetic space. The existent and the being, active and contemplative attitude towards the world, nature and essence of a human, oppositions between the natural and the moral, personal and social aspects of life within the ontology of humanity's being are elucidated from the point of view of imminent conflict-related organization of I. S. Tourgenev's world picture, of the "development idea" which constitutes the stronger part of the great writer's outlook.

Keywords: being, world, natural philosophy, nature and essence of a human, personality, history, meaning of life

Исходной точкой в развитии художественной философии великого русского писателя-классика И. С. Тургенева стал «антропологический вопрос, подразумевающий человека в его специфической проблематике», который имеет давнюю философскую традицию. Он, по словам М. Бубера, возник «в ту пору, когда был расторгнут изначальный договор Вселенной и человека, и человек почувствовал, что он в этом мире пришелец и одиночка» [1, с. 169]. Писатель пребывал в философской атмосфере поворота европейского мышления к проблеме индивидуальной и исторической конкретизации человеческого существования и понимания жизни. Многие мыслители, в философии которых закреплялся этот поворот, либо относились к старшему – по отношению к тургеневскому – поколению (Г.-В.-Ф. Гегель, И.-В. Гёте, Ф.-В.-Й. Шеллинг, А. Шопенгауэр и др.), либо были сверстниками писателя (Л.-А. Фейербах, С. Кьёркегор, Т. Карлейль, Р.-Г. Лотце, А. И. Герцен, К. Маркс, Н. Г. Чернышевский и др.). Но и те и другие как современники Тургенева в своих философских системах отразили и умственные искания, и «самый образ и давление времени» [16. С. XII, с. 303]. А. И. Герцен в четвертой статье цикла «Дилетантизм в науке» («Буддизм в науке») цитировал слова Гегеля из «Philosophie des Rechts» о том, что «философия есть в мыслях схваченная эпоха» [3, т. 2, с. 75]. Маркируемое сложными переплетениями, оппозициями и перекличками метафизических и диалектических концепций человека и природы, личности и социума оно определило своеобразие мировоззрения и художественного историзма Тургенева. Человек в его произведениях осознает себя объективирующимся одновременно в двух противоположных сферах – природы и общества. Действия всеобщих законов этих сфер вызывают, порождают расколотость его бытия, препятствуют обретению им целостности сознания и мировосприятия. О неразрешимости трагических противоречий в художественном мире И. С. Тургенева писали мыслители и критики Серебряного века. Это констатируется и в новейших исследованиях философского дискурса произведений великого писателя [ср.: 4 и 14; 15]. Стремление к метафизике (строго говоря, художественный мир автора «Отцов и детей», «Довольно», «Senilia» и т. д. не изоморфен метафизическим идеям, в нём живёт именно *стремление* к метафизике, и в этом отношении Тургенев в большей мере, как нам думается, «предвещает» европейский экзистенциализм, чем метафизику XX века), бинарные оппозиции человека и природы, личности и общества, общественного и индивидуального, долга и счастья, характерные для натурфилософии и человековедения И. С. Тургенева, влекли к себе отечественную, а затем и зарубежную литературоведческую мысль [см., н-р: 2; 5; 7; 8]. И неслучайно в

эпоху формирования и расцвета русского модернизма к художественному наследию великого классика XIX века было приковано внимание символистской, интуитивистской и т. д. критики – в лице её лучших представителей – как исследователей – филологов и философов, так и поэтов, прозаиков, эссеистов (А. М. Евлахов, Е. В. Петухов, Д. С. Мережковский, Ю. И. Айхенвальд, М. О. Гершензон, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский и др.). Антология «И. С. Тургенев в русской философской критике» ещё ждет своего часа.

Сегодня особенно ощутим пробел в гуманитарном знании, обусловленный недостаточной изученностью философских взглядов писателя. Красноречивый пример: в современной энциклопедии «Русская философия» [10] мы не найдем статьи, посвящённой Тургеневу, изучавшему философию в Берлинском университете под руководством Карла Вердера и глубоко освоившему гегелевскую диалектику, несмотря на то что восприятие философской системы великого немецкого мыслителя наставником писателя отличалось эклектизмом (как, впрочем, и рецепция русских «гегелистов», как называл их в «Отцах и детях» Павел Петрович Кирсанов) [9, с. 13–14]. Как известно, Тургенев активно участвовал в философских дискуссиях мыслителей круга Н. В. Станкевича, имел учёную степень магистра философии и степень доктора гражданского права Оксфордского университета [16. П. XII, кн. 2, с. 92–93]. Впрочем, в указанной энциклопедии не нашлось места и для Г. Р. Державина, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, М. И. Цветаевой, Л. М. Леонова и мн. др. писателей-мыслителей, способы бытования философских смыслов в художественных творениях которых уже давно стали предметом и целью исследований российских и зарубежных ученых-литературоведов.

«Философическое убеждение каждого есть его создание...», – писал И. С. Тургенев М. А. Бакунину и А. П. Ефремову 27–29 августа 1840 года [16. П. I, с. 196]. Это «убеждение» у самого писателя формировалось в процессе освоения культурного наследия, в результате взаимодействий с далёкими и близкими философскими контекстами. «Умственное созерцание» (*intuitus mentis*) писателя вырабатывалось и опредмечивалось в его творческих созданиях с опорой на интеллектуальный опыт философов прошлого и настоящего, рассматривавших взаимосвязи природы, духа, человеческой жизни. Когда в эпицентр познания выдвигается вопрос о «смысле жизни» как исходной ситуации «наличного бытия», эта проблематика становится в равной мере органичной как для теоретического, так и для художественного понимания мира, что и определяло интерес писателя к философии. Но парадигмы миропонимания у «философа» и «поэта» различны: для первого ведущей является проблема «человек и мир», для второго – «человек в мире». И. С. Тургенев, в полной мере осознававший значение философских систем для формирования воззренческих концепций человека, высоко ценивший «способности мыслить отвлечённо» [16. С. XIV, с. 29], отвергал попытки «систематизирования» в нетеоретическом философствовании, в художественном творчестве. «Системами дорожат только те, кому вся правда в руки не даётся...» – эта сентенция писателя из письма Л. Н. Толстому от 3 (15) января 1857 года [16. П. III, с. 75] вовсе не означала отрицания системного подхода к философскому осмыслению бытия. Тургенев вслед за Белинским, развивавшим идеи Фомы Аквинского, и Станкевичем в своей метапоэтике актуализировал вопрос о специфике «науки» и «поэзии», философии и искусства как разных форм познания. Отрицая возможность «отражения» какой-либо философской «системы на образах» в художественном творчестве, воспринимая это как проявление недопустимого в искусстве «резонерства» [16. П. VIII, с. 200; IX, с. 170], он одновременно с такой же убеждённостью доказывал значимость «систем» для интеллектуально-теоретической деятельности. Рудин в одноименном романе И. С. Тургенева в спорах со скептиком Пигасовым неслучайно доказывал, что «всякая система основана на знании основных законов, начал жизни», что «стремление к отысканию общих начал в частных явлениях есть одно из коренных свойств человеческого ума, и вся наша образованность» [16. С. VI, с. 262]. Примечательно то, что тургеневский герой, стремления которого «служить мысли» [16. С. VI, с. 349] укреплялись в атмосфере философских дискуссий кружка Покорского (прототипом этого героя, как давно установлено, был Н. В. Станкевич), системность связывал со спецификой теоретической, научной деятельности: «...Все ... нападения на системы, на общие рассуждения и т. д. потому особенно огорчительны, что вместе с системами люди отрицают вообще знание, науку и веру в неё...» [16. С. VI, с. 263]. Философию в кружке Н. В. Станкевича почитали как «высочайшую из всех наук», «служащую... основанием, душой и целью» всем другим направлениям и отраслям знания, являющего

«могущество ума, одушевленного добрым чувством» [13, с. 151, 134]. Как наука (философия), так и искусство, по глубокому убеждению Н. В. Станкевича, одного из главных идейных вдохновителей философских исканий истины периода «русского теоретического развития», «могут пробудить благородное чувство, в одних – путем отвлечения, в других – путем поэзии, которою облечена философия в целости» [13, с. 136].

И.-В. Гёте был для И. С. Тургенева хорошим примером: «...Гёте как поэт, – писал он, – вовсе не дорожил своими воззрениями и системами, он легко и свободно покидал их... Его, в сущности, занимало одно: жизнь, возведённая в идеал поэзии («die Wirklichkeit zum schönen Schein erhoben», как говорил он), жизнь во всех её проявлениях» [16. С. I, с. 227]. В то же время процесс «творения искусства» И. С. Тургенев рассматривал как форму создания художником философской картины мира, не только не разводя мыслителей и творцов прекрасного, но и сближая их. В цитированном выше письме М. А. Бакунину и А. П. Ефремову 27–29 августа (8–10 сентября) 1840 года Тургенев, говоря о том, что «выработать философское убеждение – значит создать величайшее творение искусства», неслучайно называл философов «величайшими мастерами и художниками». Вывод, к которому приходил писатель, особенно примечателен с точки зрения признания значимости как теоретических, так и эстетических форм познания: «Собственно, здесь искусство перестает быть искусством – оно растворяется в философии» [16. П. I, с. 532]. И в этом следует усматривать не влияние «системы» Гегеля (в «Феноменологии духа» искусство – религия – философия рассматриваются как стадии самопознания Абсолютной Идеи), а ту «формулу культуры», которая много позже была выражена Ф. М. Достоевским следующим образом: «...Философия есть та же поэзия, только выше градус её» [6, с. 5].

Основные философские константы – человек и природа, личность и история, – организующие художественный мир И. С. Тургенева, не явились результатом «влияния» какой бы то ни было «системы на образы» писателя: эти оппозиции надо рассматривать как эстетическое выражение внутренней конфликтоорганизованности натурфилософии и историософии писателя. Так выражаются сущностные связи и отношения времени, *эпохи* и *структуры* тургеневских произведений, оформляются в художественном слове представления Тургенева о дисгармоничности отношений природы и человека, процесс его рефлексии, связанной с ощущением метафизического одиночества, «онтологической драмы» «живого человека». Осознание трагического, неразрешимого противоречия между экзистенцией «конкретного индивида» и «бесконечной гармонией» «равнодушной природы» пришло к Тургеневу очень рано. О «грубом равнодушии природы» к человеку писал он Полине Виардо 29–30 мая (10–11 июня) 1849 года [16. П. I, с. 470]. Натурфилософия Тургенева-художника в полном смысле слова – «его создание», его «философическое убеждение» [16. П. I, с. 532].

Идентификация констант художественной философии, внутренних связей «природного» и «социального», гностического и остающегося за пределами опыта, определяющих идиостиль, творческую индивидуальность Тургенева, его эстетику трагического, предполагает анализ оппозиций универсального, всеобщего и социально-конкретного в бытийной концепции писателя, общественно-нравственного и естественного, духовного и природного в его художественной антропологии. В то же время важно учитывать, что идея *развития*, будучи сильной стороной мировоззрения Тургенева, обусловила его трактовку социального прогресса как явления естественно-исторического, и это находило выражение в творчестве писателя. Диалектика и логика социальных процессов, законы и исторические формы общественной эволюции рассматривались Тургеневым, мыслителем и художником, в связи с постулированием системы гуманистических ценностей и с определением целей и смыслов направленности такого развития. Он констатировал, что это *не* линейный процесс: «...“возвратные” обороты бегущего вперед исторического колеса известны всем наблюдателям жизни народов» [16. С. XIV, с. 40]. Такое понимание придавало философии истории Тургенева универсальный характер, определяло её отчужденность от социального пессимизма, нацеленность на освещение диалектических связей прошлого, настоящего и будущего.

Жизнь представлялась писателю процессом, подчиняющимся «Закону своего существования» [16. П. I, с. 481], а онтология человеческой жизни непосредственно связывалась с утверждением *этического*. Тургенев, говоря языком философии XX века, «открывал путь к определению этики как дифференциальной онтологии» [11, с. 85]. Актуализируя *деятельностный* подход в рассмотрении вопроса о природе и сущности человека, писатель утверждал и значимость *созерцательности*

как способа миропонимания. Красота, эстетическое созерцание, сопряжённые с поиском «истины», в концептосфере Тургенева занимают одно из основных мест, на что в своё время обратил внимание К. Д. Бальмонт («И. С. Тургенев. Мысли о творчестве»). Созерцательность, как писал С. Л. Рубинштейн, определяя уровень понимания проблемы в философии XX столетия, «есть (в соотношении с действием...) другой способ отношения человека к миру, бытию, способ чувственного эстетического отношения, познавательного отношения» [11, с. 83]. Отсюда непосредственно вытекает постановка вопроса о наличном бытии человека, ставшего предметом философской рефлексии в «Довольно», «Senilia» и других произведениях писателя. Тургенев рассматривал человеческое «я» как онтологическую категорию. «...Человеческое я... это начало... краеугольный камень всего сущего... <...> ...в этом я вы находите целый мир», – таковы дефиниции той воззренческой парадигмы, которая характеризуется качествами и свойствами антропоцентричности. В данных историко-культурных формах познания фиксируются черты философии человека, в которой в качестве аксиологической константы выступает категория индивидуальности, конкретного существования, идея «автономии человеческого разума» [16. С. I, с. 234]. Значение поэзии Гёте Тургенев видел в том, что он – «защитник всего человеческого, земного» – в понятийный арсенал («через науку») ввёл категорию «живого человека» [16. С. I, с. 235, 230, 244], отстаивая его «права» даже перед лицом «безразличной, спокойной “субстанции” Спинозы» (всеобъемлющей природы. – В. Г.) [16. С. I, с. 230]. О том, насколько Тургеневу импонировали эти установки и позиции Гёте, можно судить по его письму значительно более позднего времени, когда в 1875 году, пытаясь по просьбе М. А. Милютиной «определить... собственное мирозерцание», он, в частности, отметил: «...Я... более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии... <...> Всё человеческое мне дорого...» [16. П. XI, с. 31]. Ещё более определённо Тургенев высказался в письме к Д. В. Григоровичу от 31 октября (12 ноября) 1882 года по поводу «Исповеди» Л. Н. Толстого: «...Построена она вся на неверных посылах – и в конце концов приводит к самому мрачному отрицанию живой, человеческой жизни... Это тоже своего рода нигилизм» [16. П. XIII, кн. 2, с. 89].

«Природа человека» Тургеневым, мыслителем и художником, трактовалась как философское понятие, сопряжённое в первую очередь с категориями «сущность человека» и «индивидуальность». «Чем всестороннее, тем индивидуальнее» [16. П. I, с. 436] – это крылатое выражение вбирает в себя не только «природные», но и личностные, социальные характеристики индивида. Писатель актуализировал десубстанциональный, процессуальный подход к человеку, в его понимании «природа человека» и «сущность человека» – категории не совпадающие, хотя и взаимосвязанные. В трактовках сущности человека как важнейшей аксиологической категории Тургенев, как и Герцен, шёл в одном направлении с Марксом, рассматривавшим «сущность человека» как «совокупность общественных отношений» («Тезисы о Фейербахе»), предвосхищал экзистенциализм, феноменолого-герменевтическую антропологию и т. д.

У Тургенева понимание «сущности человека» неотрывно от идеи «существования», жизнедеятельности, живого многообразия, целостности, гармоничности личности. Эта категория маркирует социально-эстетический идеал писателя, изнутри освещающий его художественный мир, определяющий смысловые и аксиологические доминанты, «внутреннюю форму» (Гёте) его произведений. Саморефлексия, самоактуализация, самопроектирование и реализация личностного потенциала в собственной жизнедеятельности – это, по Тургеневу, является природным (родовым) основанием человека. «Природа» и «сущность» индивида в качестве собственно человеческого бытия раскрывается в формах реализации нравственного выбора личности, осуществления главной жизненной цели – самоотверженного служения общественно-нравственному долгу. Сущность человека объективируется в стремлении к истине, к свободе, к творчеству (деятельности), концептуализируется не в идее счастья, а в категории достоинства человека [16. С. VI, с. 179; VIII, с. 241, IX, с. 117].

И. С. Тургенев утверждал, что «истина есть не что иное, как природа человека», что «всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется “Я”» [16. П. I, с. 436–437]. Он, подобно Шеллингу, различал *сущее* и *бытие*, только *сущее* у Тургенева – не Бог, не Абсолют (напомним строки из письма И. С. Тургенева М. А. Милютиной от 22 февраля (6 марта) 1875 года: «...Ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю...» [16. П. XI, с. 31]), а «неизменный закон... равновесия жизни», «бесконечная гармония» «мировой жизни», *бытие* – только предикат. *Сущее* как «таинственный смысл... жизни природы» – это,

по его словам, «одна из тех “открытых” тайн, которые мы все видим и не видим» [16. С. VII, с. 69–70; V, с. 416]. *Сущее* обладает *бытием*. Противоположность *бытия* – «пустая беспредельность», «пустота», «древняя ночь» [16. П. I, с. 460; С. IX, с. 115; П. I, с. 470]. Существование как форма бытия, возникающего из сущего, в онтологии И. С. Тургенева трактуется как реальность, обуславливающая ценность единичной, конкретной «живой жизни», уникального, конечного («мгновенного») бытия – и не только человека, но всего живого [16. С. IX, с. 120–121]. В тургеневском «Довольно» констатируется онтологический аспект «коренного противоречия» [16. С. IX, с. 121] между природой и человеком, в котором, казалось бы, проявляется внутренняя конфликтность его концепции бытия: *существование* не согласуется гармонически с *сущим*. Проясняя смысл такого противоречия, лирический герой делает важное уточнение: «Бессознательно и неуклонно покорная законам, она (Природа. – В. Г.)... не знает свободы, как не знает добра; от века движущаяся, от века преходящая, она не терпит ничего бессмертного, ничего неизменного... Человек её дитя; но человеческое – искусственное – ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизменным и бессмертным. Человек дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нет предпочтений... <...> Как устоять против этих тяжёлых, грубых, бесконечно и безустанно надвигающихся волн, как поверить, наконец, в значение и достоинство тех бранных образов, которые мы, в темноте, на краю бездны, лепим из праха и на миг?» [16. С. IX, с. 120].

«Сфера человеческой действительности» [16. С. I, с. 238] оказывается, таким образом, лишь частью «великого, стройного целого», «бесконечной гармонии» мира, моментом в вечном «созидании» и «разрушении», и она тоже «должна в своё время уступить место другому» [16. С. IX, с. 120]. «Коренные противоречия» между объективным и субъективным, между природой и человеком сохраняли свою актуальность для писателя на протяжении всей его творческой деятельности. При всей очевидности этого, нельзя не видеть, что «умственное созерцание» И. С. Тургенева проявлялось в поисках путей их философского «примирения».

«Добрые дела» оказываются именно тем, что не обесценивает человеческого существования даже перед Природой, Вселенной, Вечностью: «...Добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты», – писал И. С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот» [16. С. VIII, с. 191]. Социально-историческое бытие – эта та сфера существования, в которой человек обретает некий смысл жизни, преодолевает «своё одиночество, свою слабость, свою случайность»: «ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет ещё верить в своё значенье и в свою силу» [16. С. VII, с. 51]. Эта философская увертюра «Поездки в Полесье», по сути, имеет универсальный характер, объясняя внутренние связи «природного» («космического») и социального [12, с. 97] в художественном мире писателя.

Социальность как «сфера человеческой действительности» была столь значимой и принципиальной для художественной философии Тургенева, что в глазах его современников (за исключением, пожалуй, А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова, учитывавших не только аспект социального, но и «идеального», «вечного» в творчестве автора «Дворянского гнезда» и «Отцов и детей») затмила органическую её связь с натурфилософской составляющей эстетического мира писателя, целостность этого мира. То, что для Тургенева оппозиция «природного» и «социального», естественного и нравственного, общественного и индивидуального всегда сохраняла свою остроту и не прикрывалась никакой «спекулятивной философией» [16. П. I, с. 481], отмечалось исследователями разного времени, обращавшимися к проблеме тургеневского историзма.

И поскольку жизнь понималась писателем «как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединённых и непрестанно сливающихся начал» [16. С. VIII, с. 184], то поиски исследователями некой «цельности сознания» и разрешённой конфликтности, полного «примирения» оппозиций в его художественных творениях превращаются в умозрительную задачу, в апелляцию к некоей «спекулятивной философии». Смысл художественного философствования Тургенева был не в преодолении „антиномий” и „противоположений” в мировоззрении и мирообразе, а в их *отрефлексированности*, и для нас важны не «результаты» этого философствования – в плане «преодоления противоречий», и тем более формирования «системы», – а сам *процесс* опредмечивания диалогического осмысления и философско-эстетической интерпретации бытийных проблем, то есть их идентификация в процессе *диалога с Другим и с самим собою*.

Литература

1. М. Бубер Проблема человека / перев. с нем. Киев: Ника-Центр; Вист-С, 1998.
2. Woodward J. B. Metaphysical Conflict. A Study of the Major Novels of Ivan Turgenev. München, 1990. P. VI. (Slavistische Beiträge. Bd. 261).
3. Герцен А. И. Собр. соч.: в 9 т. Т. 2. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1955.
4. Гершензон М. О. Мечта и мысль Тургенева. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1919.
5. Granjard H. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. XXVIII. Кн. 1. Л.: Наука, 1984.
7. Ledkovsky M. The other Turgenev: from Romanticism to Symbolism. Würzburg: Yal-Verl., 1973.
8. McLaughlin S. Schopenhauer in Russland. Zur literarischen Rezeption bei Turgenev. Wiesbaden, 1984.
9. Нойхель Р. Тургенев и философские течения XIX века // И. С. Тургенев: мировоззрение и творчество, проблемы изучения: межвуз. сб. научн. трудов. Орёл: Орловск. гос. пед. ин-т, 1991.
10. Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007.
11. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
12. Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М.: Мир, 1918.
13. Станкевич Н. В. Избранное. М.: Советск. Россия, 1982.
14. Тиме Г. А. «Заключение гётеанством» (диалектика субъективного и объективного в творческом сознании И. С. Тургенева) // Русская литература. 1992. № 1. С. 30–32.
15. Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011.
16. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР (Наука), 1960–1968.

УДК 81'42:811.111-26

Каменский Михаил Васильевич

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСНЫХ МАРКЕРОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ НЕПОЛНОЗНАЧНОСТИ

В статье подводятся итоги исследования когнитивных возможностей дискурсных маркеров, характеризующихся полноточностью и неполноточностью, а также выявляется их лингвистический статус. В исследовании применен авторский метод автоматизированной обработки текста.

Ключевые слова: дискурсные маркеры, когнитивный потенциал, полноточность, неполноточность, лингвистический статус, статистический анализ, автоматизированный анализ.

Kamensky Mikhail V.

COGNITIVE POTENTIAL OF DISCOURSE MARKERS FROM THE POINT OF VIEW OF THE THEORY OF INCOMPLETE SEMANTICS

The article contains the results of the research of the cognitive potential of discourse markers from the point of view of presence or absence of semantic meaning and the study of their linguistic status. The research is characterized by the use of the author's method of automated natural text analysis.

Keywords: discourse markers, cognitive potential, semantic meaning, procedural meaning, linguistic status, statistical analysis, automated analysis.

Дискурсные маркеры – это «лингвистические, паралингвистические или невербальные элементы, которые сигнализируют об отношениях между единицами речи посредством своих синтаксических и семантических свойств» [4, с. 40].

В настоящем исследовании дискурсные маркеры рассматриваются нами как знаковые заместители знания, входящие в языковую способность коммуникантов и составляющие существенный момент в ее использовании. Подобно языку, открывающему окно в разум человека, дискурсные маркеры «открывают идеальное окно в процесс вербальной интеракции» [3, с. 33]. Общим для всех дискурсных маркеров является наличие определенного когнитивного потенциала, помогающего интерпретации высказываний.

Дискурсные маркеры исследуются в русле различных теоретических парадигм. Так, в исследованиях, построенных на теории речевых актов в рамках прагматического подхода (Fraser, 1988, 1996, 1999), они выполняют коннективную функцию, и их значение проявляется в рамках речевого акта. В работах, выполненных в аспекте теории релевантности (Blakemore, 1987, Luscher, 1994,